

Реакция на томский поворот А. Г. Козинцева.

[Лев Клейн](#)

А. Г. Козинцев, с которым у меня были примерно одинаковые предположения «о древнейшем этапе индоевропейской истории», ныне под впечатлением ширящегося вклада генетиков – «весомого подтверждения теории степной прародины индоевропейцев» – резко изменил свои взгляды (Козинцев 2016). Он презрел то, что «ни краниологические, ни археологические данные не свидетельствуют о массовой миграции людей ямной КИО на запад» (цитаты из Козинцева) и предпринял попытку согласовать новую картину, выступившую из статей генетиков, с фактами археологии и антропологии. Реализацию этой задачи он перенес в изолированную генетическую сферу («возможно имела место лишь демографическая диффузия») и в более древнюю эпоху, чем ямная культура.

По этому поводу хотелось бы вот на чем остановить внимание.

Во-первых, выводы генетиков не столь однозначны, как кажется. Да, они установили, что некий вклад, который они связали с ямной культурой и назвали ямным, определил собой дальнейшее развитие бронзового века Европы. Вклад выделен, и его влияние установлена. Но как раз его происхождение из ямной культуры не доказано. По данным, опубликованным в работе Наак 2015, этот вклад проявляется интенсивнее всего в Северной Европе, далеко от ямной культуры, и слабеет к югу, а слабее всего он в Венгрии – именно там, где ямная культура имеет выход в Центральную Европу. Из чего я делаю предположение, что истинный источник этого вклада находится где-то на севере Европы. А ямная культура, как и культуры шнуровой керамики, это почти одновременные очаги его приложения.

Во-вторых, ямная культура – это первая половина третьего тысячелетия до н. э. Есть предположения о более ранних ямных памятниках конца четвертого тыс. А все глоттохронологические изыскания, при всей их разнородности, дают для распада протоиндоевропейского языка более древние диапазоны — минимум на полторы тысячи лет. Таким образом, ямная культура не может быть очагом протоиндоевропейского языка, а, как и признают сами генетики, лишь очагом одной из его ветвей. Но это же говорят и противники степной гипотезы происхождения ВСЕХ индоевропейцев. Они истари отводят ямную культуру протоарийскому (протоиндоиранскому) языку. А вот влияние протоарийского языка на все остальные ветви лингвистически никак не проявляется.

В-третьих, при нынешнем состоянии языкознания нетрудно представить себе диффузию языка или культуры без диффузии населения или диффузию населения с утратой языка и культуры исходного очага. Но крайне трудно представить себе диффузию населения с языком при противоположно направленном движении культуры.

Далее, автохтонность ямного населения не ограничивается преемственностью между хвалынской и ямной культурами. Тут нужно учесть и возможный вклад нижнемихайловской, среднестоговской, дереивской и других культур.

Другим важным устоем нового понимания («автохтонность степного населения», «степная прародина индоевропейцев») Козинцев считает возможность вывести хеттов (первый народ, отделившийся от индоевропейского ствола) из степей. Я тоже обращал в этом плане на хеттов внимание и отождествлял их с баденской культурой Подунавья, отражения которой в IV тыс. до н. э. в Анатолии многочисленны (собраны в свое время Н. Калицем в богатые таблицы — Kalicz 1962; Клейн 2012). Козинцев же отождествляет хеттов с новоданиловской культурой Западного и Северного Причерноморья V тыс. до н. э., которая, как он сам признает, не проявляется в движении к Анатолии южнее Варны. Оппоненты же считают, что эта культура двигалась в обратном направлении. В Анатолии же ничего подобного нет. С какой стати это хетты?

Да и в том случае, если бы нашлись следы новоданиловской культуры в Анатолии, это бы говорило о том, что протоиндоевропейцы располагались в степях Украины и России на несколько тысяч лет раньше, чем ямная культура!

Еще одной возможностью увязать расходящиеся данные Козинцев считает признание майкопской культуры протоиндоевропейцами. Но во-первых, он не уточнил – которой: собственно майкопской или новосвободненской. В первой индоевропейских элементов очень мало, и они вполне могут считаться ближневосточным наследием, усвоенным индоевропейцами (например, перевязь через плечо). А вот во второй – индоевропейских компонентов полно (колесо на шесте, две собаки, обхождение святыни, богиня с лошадьми, безголовые боги и т. д.), но южное происхождение всего комплекса сомнительно. Мегалитизм явно северноевропейский (Резепкин 2012).

Очень интересное наблюдение Козинцева – наличие степной керамики, обозначенной в свое время Шмидтом как «тип Кукутени С», в широкой полосе от Кукутени-Триполье VI до предмайкопского Закубанья. Она говорит о широкой экспансии степных племен в V — начале IV тыс. до н. э. Манзура связал ее со скелянской культурой степей и с ней же – зооморфные скипетры, также широко распространенные. Эта культура раннего энеолита пока еще нечетко вписана в систему. Одни ее отождествляют с той же новоданиловской культурой (теми же хеттами, по Козинцеву), другие – с началом среднестоговской.

Но с керамикой ее дело обстоит неважно. Поселения ее вообще неизвестны, а немногие сосуды из погребений очень разные,

то признаются новоданиловскими, то импортными. То есть допускается, что она вообще своей керамикой не имела. Если окажется, что тип Кукутени С – это ее керамика, то это важное открытие. Но маркировать распространение индоевропейцев она может только в том случае, если будет доказано, что это индоевропейцы, а это ни из чего не следует.

Еще того менее могут об этом свидетельствовать зооморфные «скипетры», почитаемые за конеголовые. А конь как-то связан с индоевропейцами, хоть и не ясно – со сколькими. Я уже писал, что это никакие не скипетры: у них нет проуха для рукояти и заполирована только передняя часть морды животного, а задняя оставлена шероховатой для захвата рукой. И это не конеголовые скипетры (предлагали и свинью, и собаку и др.): у изображаемого животного всегда есть рог на лбу. Это мифический Единорог, а орудие, скорее всего, жреческий инструмент для дефлорации (Клейн 1990; Klejn 2013). Так или не так, но маркировать праиндоевропейцев они никак не могут.

Козинцев заключает свое рассуждение так: «Допустив заимствование индоевропейской речи автохтонами степей у мигрантов с юга, а также некоторое смешение между ними, мы примирим археологические данные с генетическими и лингвистическими». Но кроме желания «примирить» ничто при наличных материалах не заставляет нас сделать такое допущение. Напротив, допущение о движениях культуры и, возможно, населения с севера, с Балтики в степь напрашивается давно и независимо от судьбы индоевропейцев. Связал их первым киевский археолог Л. Л. Зализняк, специалист по мезолиту (Зализняк 1984; 1991; Зализняк 2009; 2012; Zaliznyak 1997; 2005).

«Теория центральноевропейской прародины индоевропейцев, — пишет Козинцев, — противоречит генетическим данным о резком различии между степным населением и всеми изученными группами зарубежной Европы эпох неолита и ранней бронзы». Да, противоречит. Значит, какая-то из двух «теорий» неверна: либо гипотеза о «центральноевропейской прародине индоевропейцев», либо лингвистические выводы из обнаруженных генетиками фактов. Ведь это тоже гипотеза, а не сами факты. Я допускаю любой из этих вариантов. А может быть, и обе гипотезы неверны, а выявится и наберет силу некая третья.

На мой взгляд, археологам и антропологам, так же как лингвистам, надлежит не вникать безоговорочно во все, что исходит от генетиков — не только фактам генетиков, но и их интерпретациям, — а примеривать эти интерпретации к своим фактам и соответственно искать такие интерпретации, которые бы устроили всех.

Зализняк Л.Л. 1984. Мезолит Юго-Восточного Полесья. – К., Наукова думка.

Зализняк Л.Л. 1991. Население Полесья в мезолите. К.

Зализняк Л.Л. 2009. Мезоліт заходу Східної Європи. — Кам'яна доба України, №12, К.

Зализняк Л.Л. 2012. Стародавня історія України. К.

Клейн Л. С. 1990. О так называемых зооморфных скипетрах. – Проблемы древней истории Причерноморья и Средней Азии. Тезисы... Ленинград, издат. Гос. Эрмитажа, 1990, с. 17 – 18.

Клейн Л. С. 2012. Происхождение индоевропейцев и археология. – Культуры степной Евразии и их взаимодействие с древнейшими цивилизациями. Материалы международной научной конференции, посвященной 110-летию со дня рождения ... М. П. Грязнова. Кн. 2. Санкт-Петербург, ИИМК РАН, Периферия, 2012: 25 – 34.

Козинцев А. Г. 2016. О древнейшем этапе индоевропейской истории. — Электронный препринт.

Резепкин А.Д. 2012. Новосвободненская культура (на основе материалов могильника «Клады»). Санкт-Петербург, Нестор-история.

Haak W., Lazaridis I., Patterson N. et al. 2015. Massive migration from the steppe is a source for Indo-European languages in Europe // Nature. 2015. Vol. 522. P. 207-211.

Kalicz N. 1962. Die Badener (Peceler) Kultur und Anatolien. Budapest, Akadémiai Kiadó.

Klejn L. S. 2013. Zoomorphic sceptres and Unicorns. – Bergebrant S. and Sabatini S. (eds.). Counterpoint: Essays in archaeology and heritage studies in honour of Professor Kristian Kristiansen Oxford, BAR (International series, 2508), 2013: 129 – 139.

Zaliznyak L.L. 1997. Mesolithic forest hunters in Ukrainian Polessye.- BAR N 659. – Oxford, 140 p.

Zaliznyak L.L. 2005. Ukraine and the Problem of Indo-European Original Motherland. — Archeology in Ukraine, Kyiv — Austin, Kyiv-Mohyla Academy — The University of Texas: 102-137.